

Андрей Михайлович Дышев

Аромат скунса

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162169
Остров невезения: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-11735-0*

Аннотация

Параплан плывет над разомлевшим от жары курортным городом. Вдруг камнем вниз летит бутылка шампанского, падает во двор бизнесмена Жорика и разбивается на мириады осколков. Задание выполнено. Спортсмен-экстремалычик Гера продолжает свой полет. Он понятия не имеет, зачем ему дали такой странный заказ, заплатив тысячу баксов... А если бы знал, вряд ли согласился участвовать в аванюре. Впрочем, вскоре Гера еще ближе сойдется с заказчиками – аферистом Пилотом и его взбалмошной дочкой Лисицей. И совершит для них гораздо более крутой трюк.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Дышев

Аромат скунса

Глава 1

Седина украшает мужчину

– Не болтай ногами, подоконник трясется, – сказал Пилот.

Он застыл перед оконным проемом, прильнув к биноклю. В желтом круге окуляров дрожала зубчатая кирпичная стена, утыканная, словно одуванчиками, плафонами светильников. Из-за стены торчала макушка лохматой пальмы.

Лисица сидела на подоконнике, жевала жвачку, надувала пузыри и заплетала косу. Тень от кипариса, который рос перед домом, скользила по лакированному полу, словно тряпка. Под потолком, вокруг заляпанной краской лампы, летала оса.

– Мне сегодня снились муравьи, – сказала Лисица, глядя на осу.

– Это к деньгам, – предположил Пилот и слегка покрутил колесико наведения резкости.

Внизу, прямо под окнами, крутилась бетономешалка. Несколько рабочих в синих спецовках загружали в носилки раствор. Их загорелые до бронзового отлива плечи и руки были мокрыми от пота.

– Эй, начальник! – крикнул Пилоту один из рабочих и вонзил в кучу песка лопату. – У нас щебенка кончается. Если хозяин хочет, чтобы мы протянули еще дорожки к бане и мангалу, тогда как минимум «КамАЗ» щебенки нужен.

– Ну вот, – сказал Пилот, кладя бинокль на подоконник. – Проблем становится все больше, а денег все меньше. Придется сегодня ехать на завод и заказывать щебенку.

– Когда хозяин вернется? – спросила Лисица.

– Через десять дней.

Лисица прыгнула с подоконника и закружилась по пустой комнате.

– Значит, еще десять дней мы будем жить в этом доме. И каждое утро я буду любоваться из окна видом на море.

Пилот смотрел на дочь так, как смотрят настоящие ценители искусства на шедевр классической живописи.

– Докладывай, что еще про Арбажа узнала, – сказал он строго, чтобы дочь не угадала его чувств.

– Папуля! – певуче произнесла Лисица. Она остановилась посреди комнаты и, поглаживая косу, добавила: – К чему такой менторский тон?

Пилот почувствовал, как комок встал у него в горле. Сейчас Лисица была очень похожа на свою мать. И слова те же, и интонация.

– По субботам, – заговорила девушка, широкими шагами меряя комнату, – сразу после обеда, на черной «Боре» он приезжает в «Мираж». Это крупнейший в городе ювелирный магазин. В это время посетителей там почти не бывает.

– Охрана? – коротко спросил Пилот.

– Два амбала размером с шифоньер каждый. Они становятся на входе у дверей.

– Что именно он покупает? Золото? Бриллианты?

– Стекла в магазине тонированные, но я заметила, что он несколько раз сделал вот так... – и Лисица приподняла руку, как если бы она держала за хвост кильку, намереваясь ее съесть.

– Смотрел на свет, как брюлики играют, – догадался Пилот. – Сколько у нас осталось денег?

Лисица фыркнула и сжала губки.

– До вчерашнего вечера у нас было двенадцать тысяч триста баксов. И сейчас было бы столько же, если бы тебе не приперло пригласить какую-то общипанную курицу в ресторан. Ну и вкус у тебя, папуля! Я как увидела ее золотые зубы и крашенные ногти на ногах, чуть от стыда не умерла!

– Хватит болтать, – нахмурившись, проворчал Пилот и с деланной озабоченностью стал отряхивать рубашку от несуществующей пыли. – Мала еще судить о таких вещах... Отсчитай десять тысяч и упакуй в пленку.

Лисица усмехнулась и пожала плечами: мала так мала. Пилот, скрывая смущение, взялся за бинокль и опять стал рассматривать особняк, окруженный кирпичным забором с белыми плафонами.

– Второе, – говорил он, не отрываясь от окуляров, – сходи на рынок и купи килограмм бижутерии: колечки, сережки, браслеты – в общем, всякое блестящее барахло. А я схожу в бюро торжественных событий.

– Ты никак жениться надумал, папуля?

– Жениться! – проворчал Пилот. – Лимузин нам нужен. Без лимузина он на тебя даже не глянет. И подумай, что тебе надеть. Ты должна выглядеть безупречно.

– Я всегда выгляжу безупречно, – самоуверенно произнесла Лисица и, подойдя к окну, взглянула на свое отражение. – Меня волнует другое. А он не узнает тебя?

– Вряд ли, – ответил Пилот, рассматривая панораму побережья, утопающего в пышной зелени. – Последний раз мы виделись, когда я еще служил в дивизии. Арбаж в это время возглавлял квартирно-эксплуатационную часть в гарнизоне. Проще говоря, он распределял квартиры офицерам. Таких просителей, как я, у него каждый день бывало по несколько дюжин. Деньги, которые он брал в качестве взяток, в двух сейфах не умещались...

– Насчет двух сейфов, ты, конечно, преувеличил, – решила Лисица, продолжая любоваться своим отражением в стекле и кокетливо склоняя голову то в одну, то в другую сторону.

– Преуменьшил, – поправил Пилот. – Преуменьшил, дорогая моя! Взятки – это так, мелочь на карманные расходы. Арбаж продал тридцать или сорок квартир, построенных немцами в центре города для офицерских семей, потом купил «хрущевки» на окраине и раздал их очередникам. Нам с тобой, например, он выдал ордер на сырой подвал, в котором мы прожили несколько лет. Ты часто болела, но пока я служил, никаких перспектив получить приличную квартиру у меня не было. Арбаж, подонок, заработал на той афере больше миллиона баксов. А ты говоришь, преувеличил... С тортиком что решила?

– С тортиком проблемы, – поразмыслив, ответила Лисица. – Гипс слишком быстро застывает, ты его вряд ли донесешь. Глина, наоборот, слишком вязкая. Алебастр еще хуже.

– Кажется, у тебя есть знакомый ортодонт? Вот и поинтересуйся у него, из какого материала готовятся слепки для зубных протезов.

– Тортик я приготовлю, – махнула рукой Лисица. – Но как ты заставишь Арбажа вляпаться в него физиономией?

– Есть несколько идей, – ответил Пилот, но какие именно это идеи, говорить не стал. Он положил бинокль на подоконник и стал тереть глаза.

Лисица внимательно рассматривала затылок отца.

– Папуля, а может, тебе подкраситься?

– Это еще зачем? – удивился Пилот, оборачиваясь.

– Чтобы седины не было видно.

Пилот провел рукой по голове и посмотрел на ладонь, будто седина могла оставить следы.

– Глупости, – ответил он. – Седина украшает мужчину.

Глава 2

Омлет, он же алкалоид

Геру казалось, будто шпиль антенны так сильно раскачивается, что сейчас начнет сбивать самолеты, парящие в небе. Он опирался спиной на скрещенную буквой «Х» металлическую конструкцию и при этом левой рукой трогал вытяжной парашют, прижатый к ранцу резинкой, а другой закреплял у рта микрофон.

– Омлет! – скрежетал в наушнике гнусавый голос Клим. – Я Ритуал! Готовность номер один...

Толстая проволока, на которой держался микрофон, никак не хотела принимать контур лица, она сопротивлялась, будто Гера заталкивал змею в горячую кастрюлю.

– Эй, Омлет! – напомнил о себе Клим. – Не слышу ответа!

Внизу, нежась в сизой дымке, раскинулся теплый южный город. Из-за узких улочек, тянувшихся от центра ломаными линиями, и красных черепичных крыш он напоминал свалку битой керамической посуды. Вокруг него горбатились террасы, холмы и горы. Покрытые лесами, они напоминали морские волны, которые под воздействием какой-то непонятной силы вдруг замерли, притихли, но пройдет секунда-другая, как все снова придет в движение, и волны, ударяя друг друга, швырнут в небо брызги, и они засверкают в лучах солнца, как миллиарды бриллиантов...

– Да, Ритуал, я слышу...

– Объявляю минутную готовность!

В наушнике что-то зашуршало, затем послышались звуки похоронного марша. Клим никогда не изменял своим привычкам. Он был жутким консерватором, когда дело касалось хобби. Похоронный марш перед стартом – ритуал был столь же обязательным, как и добрая пьянка после финиша.

Гера посмотрел под ноги. На телевышку, судорожно цепляясь за перекладины лестницы, карабкался дежурный техник. Он методично поднимал лицо вверх, и при этом его рот раскрывался. Наверное, он что-то кричал, но Гера ничего не слышал – ветер сносил слова, как дым из трубки морского волка, стоящего в шторм на носу судна.

– Ко мне морской волк ползет, – сказал он в микрофон.

– Морские волки по телевышкам не лазают, Алкалоид! – донесся до него голос Клим. – Как бы то ни было, тебе отступать некуда.

Гера сплюнул вниз. «Снаряд» проскочил сквозь решетку металлоконструкции и угодил мужику в темечко.

– Да, ты прав, отступать некуда, – ответил он. – Все, я пошел, а то он сейчас лопнет от злости...

Самое трудное – не думать о высоте и прыжке. Гера всегда старался переключить внимание на какую-нибудь мелочь, а уже потом стартовать. Техник в синей спецовке помог ему. Гера расставил руки в стороны, словно намеревался заключить в объятия все видимое побережье, и прыгнул вперед.

Он не знал, как другие парашютисты, но во время свободного падения Гера не мог ни дышать, ни орать, ни смотреть по сторонам. Ему казалось, что даже сердце останавливается в груди, все внутренности где-то в животе собираются в маленький комок, глаза и уши растягиваются от могучих потоков воздуха, и он становится похож на дебильного китайца, которого злодеи сбросили с телевышки.

Он начал мысленно считать: раз, два...

Лишь бы не перевернуться спиной вниз! Чтобы этого не произошло, он раскинул руки и ноги, как если бы намеревался оседлать воздушный шар. Ветер зашумел в ушах, словно горный водопад. Третья секунда! Скорость падения превысила семь метров в секунду... Четвертая секунда... Он повернул голову. Металлические конструкции телевышки мельтешили перед его глазами, словно шпалы, если на них смотреть из тамбура последнего вагона... Пора!

Левая рука привычно пошла назад и коснулась боковины ранца. Ладонь легла на резинку, под которой должен был находиться вытяжной парашют. Пальцы сжались, но ногти скользнули по шероховатой ткани. Гера сжал в ладони воздух. Черт!! Где же парашют?!

– Омлет! Омлет! – хрипел в наушнике голос Клима.

Пятая секунда! Он чувствовал, как стремительно нарастает скорость падения, и видел, как неумолимо надвигается на него город с узкими, нагретыми солнцем улочками, черепичными крышами, горячими и хрупкими, словно корка свежего хлеба, и уже различал ползущие в паутине кварталов машины и похожих на тлю людей, и его пальцы с яростью рвали резинки и шнуровки, отыскивая парашют... Но вот он нащупал фал и потянул его вверх. Парашют, словно пес на поводке, тотчас ткнулся ему в кулак. Ах ты, собака! Пока он его искал, парашют съехал под резинку и распустился бледной поганкой сбоку от ранца.

Смяв парашют, как носовой платок, Гера с силой откинул его в сторону. Немедленно наполнившись воздухом, парашют потянул за собой фал. Какое наслаждение чувствовать, как параплан стремительно выскальзывает из ранца, будто клубок разбуженных удавов, и становится щекотно спине от этого шевеления, и на мгновение ослабевают лямки, которые только что так туго стягивали грудь!

Он услышал над собой шелест, затем хлопок. Стропы натянулись, и его чувствительно потрянуло, словно он, как Буратино, зацепился курткой за крюк и повис на нем.

– Вижу тебя, Омлет! – будничным голосом сказал Клим. – Ты чего так поздно раскрылся?

– Хотел преодолеть звуковой барьер, – ответил Гера, взявшись за клеванты. – Чтобы народ попугать...

Стропы управления тотчас откликнулись на его движения. Параплан послушно пошел вправо, к западной части города, где на одной из улиц, в красной «шестерке», его ждал Клим.

– Чего ж не попугал? – проворчал Клим.

– Уши задымились...

Гера повел параплан ближе к скалистым склонам горы, где восходящие потоки могли бы немного подобрать его. Пока же высоты было недостаточно, чтобы осуществить бредовую задумку.

– Ты рискуешь зацепиться за высоковольтные провода! – недовольно произнес Клим. – Эх, Алкалоид, говорил я тебе, чтобы ты петарду прихватил. Не хватает тебе реактивной тяги! Ей богу, не хватает!

Гера аистом пролетел над Ботаническим садом и в очередной раз убедился, что люди нелюбопытны, как пресловутая свинья под дубом. Ни влюбленная парочка, которая сидела на лавочке с пластиковыми стаканчиками в руках, ни пацаны, убивающие кирпичами тритонов в пруду, ни загорелые до коричневого оттенка старушки, торгующие семечками в тени магнолии, не подняли головы и не посмотрели на него, хотя Гера громко распевал «Навечно в памяти моей ты как во сне...». Даже тень от параплана, промчавшаяся по саду как злоеший знак, не привлекла внимания людей.

– Когда ты поешь, мне кажется, что мне в ухо залетел шмель, – сказал Клим. – Тебя несет на женский пляж, Алкалоид. Я трогаюсь!

Восходящий поток, на который Гера уповал, приподнял его метров на пятьдесят. Пришлось разворачиваться лицом к морю. Его ноги в драных кроссовках болтались над шум-

ными улицами. Покатые крыши, обшитые ржавыми до красноты листами жести, утыканные разномастными антеннами и потому похожие на облезлых ежей, сменяли друг друга, словно театральные декорации. Гера чувствовал себя богом. Он испытывал то, что не дано было испытать этим суетным насекомым, именуемым людьми. Они ползали по земле или передвигались по ней в своих тесных коробочках с четырьмя колесами и, должно быть, полагали, что жизнь у них удалась. Но они не знали, как бедны и примитивны в своем придуманном счастье. Они, словно пиявки, присосались к земле и не умели использовать для передвижения воздух. А воздух – он совсем не такой, каким кажется этим пиявкам. Он вовсе не смердит выхлопными газами, табаком и «Макдоналдсом». Он густой и чистый, как родниковая вода, и на него можно опереться, на него даже можно лечь, притворившись ангелом в облаках...

– Я над Кипарисовой аллеей, – комментировал Гера. – Поймал поток... Иду в сторону Гоголевской...

– Слушай, ты меня заставил проехать под «кирпич»! – ворчал Клим. – На Гоголевской полно машин, Алкалоид!.. Черт, гаишник палкой машет!

Тому, кто не летал на парашуте, не понять чувств молодого человека, который парил над городом. Трудно дать точное объяснение тому идиотскому счастью, какое испытывает парашютист, плюющий на светофоры, на «кирпичи» и гаишников с их палками. Это похоже на самые восхитительные сны детства, на воспарение в рай...

Клим хотел встретить Геру на Приморском бульваре, но из-за недостатка высоты Гера туда не дотягивал. Потому выбрал Гоголевскую. Эта улица находилась прямо под ним, к тому же она была прямой и длинной, как посадочная полоса в Лондонском аэропорту Хитроу. Единственный недостаток – там было полно машин.

Вскоре Гера заметил красную машину, выскочившую на Гоголевскую из какой-то подворотни. Совершенно наглым образом нарушая правила, она вырулила на встречную полосу и вытеснила на тротуар «Газель» и «Ниву».

– Красная «шестерка»! – грозным голосом крикнул Гера. – Займите правый ряд!

– Ты б еще на городской пляж приземлился! – проворчал в ответ Клим. – Представляешь, как бы я рулил между задницами!

Высота стремительно падала. Гера пролетел мимо балкона четырнадцатизэтажной башни, на котором курили две пацанки. От удивления одна из них выронила сигарету, а вторая кинулась в комнату с криками: «Славик! Славик! Посмотри, что летит!»

– Чуть добавь! – корректировал Гера скорость машины. – Еще немного... Вот так хорошо!

Теперь он уже не смотрел по сторонам, не любовался красотами города. Все его внимание было приковано к крыше красной «шестерки», которая плыла в потоке автомашин прямо под ним.

– Немного сбавь! – кричал Гера от волнения и восторга. – Тридцать метров...

Скорость у «шестерки», которая подстроилась под него, была слишком мала для идущих следом машин. Не понимая, что происходит, водители принялись нервно сигналить и материться. Гера отчетливо слышал и гудки, и крики. Клим, пытаясь успокоить разгоряченных водителей, включил аварийные огни. Парашютист догонял «шестерку» и быстро снижался. Горячая улица с запахами автомобильных выхлопов, гамбургеров и шашлыков стремительно надвигалась на него, и дома вырастали с обеих сторон, будто медленно сжимались челюсти некоего гигантского ящера. Гера потянул стропы, гася скорость. Парашют стал вяннуть. Две ноги в драных кроссовках, словно два метеорита, пикировали точно на крышу «шестерки».

– Сажусь! – крикнул Гера, и Клим уже наверняка услышал этот крик без радиостанции.

В тот момент, когда Гера свалился на крышу «шестерки» и тонкая жесть, словно барабан, издала гулкий звук, опора вдруг ушла из-под его ног. Может быть, он потерял равновесие, может, Клим чуть прибавил газу. Как бы то ни было, красиво финишировать не удалось, и Гера скатился с машины на асфальт, попутно ударившись плечом о бампер. Параплан, который еще несколько мгновений назад гордо реял над городом тугим красным крылом, скомканной тряпкой накрыл черный лимузин. Лимузин, ослепнув, пронзительно завизжал тормозами и остановился. Остановилась и «шестерка» Клим. Остановились люди, ставшие свидетелями необычного зрелища. И когда Гера почувствовал эту статичность, то понял, что его полет закончился.

Глава 3

Лисица

Он поднялся на ноги, выпутываясь из строп. Тотчас к нему подлетел Клим и, крепко обняв, дурным голосом заорал:

– С прибытием на Землю, товарищ майор! С прибытием вас! С прибытием! Если бы вы знали, что сейчас творится в ЦУПе! Шампанское рекой...

Движение на Гоголевской было парализовано. Толпа зевак росла стремительно. Рядом с лимузином, накрытым парашланом, началась возня: несколько пацанов пытались стащить с машины ткань.

– А вы, в самом деле, космонавт? – спросила Геру старушка в брюках и с фиолетовыми волосами, глядя на него по-детски восторженными глазами.

– Летчик-космонавт! – поправил Клим, помогая Гере отстегнуть пряжки и сбросить подвесную систему. Громко, чтобы услышали широкие слои населения, он добавил: – Звонил генеральный, просил передать, что вертолет из-за погодных условий задерживается...

Клим получал колоссальное удовольствие, придуриваясь перед людьми. Гера же думал о том, как побыстрее закинуть парашлан в багажник и свалить отсюда без печальных для них последствий. С улыбкой глядя на окруживших его людей, он потянул за стропы. Парашлан легко соскользнул с соседней машины на асфальт, и обнажился сверкающий черным лаком лимузин. Было похоже, что состоялось открытие памятника, символизирующего материальный достаток.

– Граждане! Не толпитесь! – вещал Клим, торопливо сматывая стропы и озираясь по сторонам – как бы не нагрянула милиция. – Космонавту нужен свежий воздух! Сделали одно- временно шаг назад – и раззз!

– А вы с какой станции? – звонко выкрикнул из толпы мальчишка в красной майке и с мячом в руках.

Клим на мгновение перестал сматывать стропы, внимательно посмотрел на любознательного ребенка и серьезным голосом ответил:

– С межпланетной, мальчик.

– С межпланетной? – протянул мальчишка с нахальным скептицизмом. – Во лапшу вешают! А где же скафандр?

Тут Гера увидел, что дверцы лимузина распахнулись и оттуда вышли мужчина и девушка. Мужчине было под пятьдесят. Глубокие складки на его хорошо выбритых щеках придавали лицу выражение мужественности. В коротком «ежике» инеем сверкала редкая благородная седина. Он был в темном костюме, плотно облегавшем его спортивную фигуру. Мужчина с любопытством посмотрел на Геру, оперся о раскрытую дверцу, и на его запястье блеснули золотые часы.

Девушка привлекла внимание парашютиста куда больше, несмотря на то, что мужчина прямо-таки источал запах денег. Она была достаточно милой, но не более того. Рост никогда не позволил бы ей стать манекенщицей, а груди слегка недоставало рельефности. Тем не менее Гера не мог оторвать от нее взгляда. Привлекало необыкновенное поведение девушки. Вышедшая из дорогой машины и стоящая рядом со столь импозантным мужчиной, она должна была смотреть на окружающих ее людей высокомерно, сверху вниз, ни на чем не останавливая взгляд и ничем не выдавая любопытства. Так бы она выглядела гармонично и естественно. Но это милое создание вело себя так, словно она была бедной горничной в строгой английской семье. Невольно стараясь спрятаться от любопытных взглядов толпы за широкой спиной мужчины, девушка исподлобья посмотрела на Клима, развлекающего

зевак, а потом кинула кроткий взгляд на Геру. Он подмигнул ей, и к его окончательному удивлению девушка густо покраснела, схватила за кончик своей русой косы, словно тонущий за спасательный круг, и стала тереть алую ленточку.

– Граждане! – крикнул сорвавшимся голосом Клим и протянул вперед руки, сжимая потертый мотоциклетный шлем. – Космонавта срочно ждут в Москве с докладом генеральному конструктору, а вертолет из-за погоды задерживается! Помогите, кто сколько может, на железнодорожный билет герою! Вы же знаете, в каком бедственном положении находится отечественная космонавтика! Не поскупитесь во благо прогресса человечества на пути к внеземным цивилизациям!

Он пошел со шлемом по кругу, но большинство зевак шарахнулись от шлема, словно в нем сидела кобра. Несколько курортников, в надежде на продолжение концерта, бросили в шлем немного мелочи. Бабуля с фиолетовыми волосами бережно опустила в него яблоко, а подлый мальчишка с мячом чуть было не плюнул туда.

Хозяин лимузина смотрел на Клима с неподдельным интересом, и на его губах играла легкая усмешка.

Гера уже сгреб в охапку парашлан и принялся заталкивать его в багажник. Клим выпрашивал деньги у двух женщин, которые громко смеялись, но в то же время крепко прижимали к себе сумочки.

Гера порылся в карманах и нашел стопорное кольцо от ранца.

– Возьмите сувенир, – сказал он девушке с русой косой, протягивая ей кольцо. – Это деталь от шлюзовой камеры переходного отсека.

Девушка зарделась пуще прежнего, но Гера понял, что его неожиданный жест пришелся ей по душе.

– Спасибо, – прошептала она, принимая сувенир, и украдкой взглянула на Геру. – Я проколю себе ухо и вставлю его вместо серьги.

– Молодой человек! – позвал хозяин лимузина Клима и полез в нагрудный карман.

Клим немедленно подскочил к мужчине и, проводив взглядом столларовую купюру, плавно опустившуюся на дно шлема, издал восторженный вопль:

– Bravo! Bravo нашему дорогому меценату! Вы Циолковский наших дней и крестный отец гуманоидов! Следующая открытая звезда будет названа вашим именем! Граждане! Бурные аплодисменты!

Мужчина, сдержанно улыбаясь, махнул рукой.

– А вам было страшно на орбите? – спросила девушка Геру.

– Не столько страшно, сколько неприятно, – ответил Гера. – Когда начинаешь входить в плотные слои атмосферы...

– А я видела, как вы входили в плотные слои атмосферы на прошлой неделе, – перебила она. – Траектория вашего полета проходила как раз мимо нашего дома.

– Правда? Сколько раз говорил себе: остановись, Гера! Хватит летать! Забудь о космосе, потому что на Земле столько прекрасных девушек! А где же ваш дом?

– На Горке. Рядом с фуникулером.

– Это какой? Такой серенький под соломенной крышей?

– Нет, такой голубенький с белыми колоннами и амурчиками...

– Лисица! – не слишком ласково сказал мужчина, заталкивая портмоне в карман пиджака. – Иди в машину!

Девушка моментально опустила глаза и юркнула в салон лимузина. Гера уже не мог ее видеть за тонированными стеклами.

«Что за странное имя! – подумал он. – Никогда не слышал ничего подобного!»

Клим схватил его под руку и потащил к «шестерке».

– Сваливаем! – крикнул он. – Милиция едет!

Едва Гера успел упасть на заднее сиденье, как Клим рванул с места. Он свернул с Гоголевской в Полунин переулок и дал полный газ. Машина у него была не старая и не молодая. У нее вообще не было возраста. Клим работал слесарем в автосервисе, и за несколько лет напиговал гнилой кузов «шестерки» отслужившими свой срок чужеродными деталями, назвав это инженерное чудо за небывало обильный выхлоп Скунсом. Для всех оставалось секретом, как Клим сумел приладить коробку передач от древнего «Мерседеса» к битому двигателю от «Сузуки», пришпандорить к этому тянитолкаю сцепление от «Крайслера», воткнуть туда рулевую от «Хонды», да еще нацепить на этого мутанта колеса с литыми дисками от «Нексии». Как бы то ни было, машина могла самостоятельно передвигаться и иногда даже развивала приличную скорость.

На очередном перекрестке их обогнал уже знакомый черный лимузин. Опустилось тонированное стекло, и из проема показалась нежная ручка. Девушка помахала парням и пошевелила в воздухе пальчиками.

– Несчастные! – произнес Клим таким тоном, словно кто-то настойчиво уговаривал его купить лимузин. – Это ж сколько топлива этот танкер жрет! А какой для него гараж нужен! А сколько бабок надо угробить на техобслуживание и детали! Ни за что! Ни за что не куплю такую машину!

– А она ничего, – сказал Гера, глядя, как лимузин быстро удаляется от них.

– Ничего! – передразнил Клим. – Единственный плюс – это то, что ее скоро угонят.

– Да нет, я о девушке, – уточнил Гера.

В ответ на это Клим дернул головой. У него были длинные темные волосы, которые он перехватил на затылке резинкой, отчего получилась противная жирная косичка, напоминающая крюк башенного крана.

– О де-е-ву-ушке? – протянул Клим. – Об этой сытой кошке?

Он презрительно скривил губы.

– На сытую кошку она как раз меньше всего похожа, – возразил Гера. – Очень даже скромная девочка.

– Конечно, конечно, – фыркнул Клим. – Хвали ее и восторгайся ею. Ведь она снизошла до того, чтобы изобразить свое вялое восхищение твоим прыжком.

– Между прочим, – непонятно к чему сказал Гера, – она живет на Горке. А там только элитные дома.

– Тебе это льстит, Алкалоид? – огрызнулся Клим. – Для ее пресыщенной души ты оказался всего лишь забавной игрушкой, какую она еще не видела. У нее в жизни уже было все: и пятизвездочные отели, и яхты, и Багамы, и рестораны, и бутики. А вот прыгающего с телевышки Алкалоида она еще не видела. Отсюда и сиюминутный интерес к тебе. Так что не тешь себя надеждой растопить ее ледяное сердце.

Глава 4

На ступенях «миража»

Обернувшись, Лисица смотрела через заднее стекло на нелепый красный автомобиль, окутанный, словно паровоз, густыми клубами черного дыма.

– Шею не сверни, – сказал Пилот, мельком взглянув на часы, и прибавил газу.

– Отчаянный парень, – произнесла Лисица неправдоподобно равнодушно.

– По-моему, он тебе понравился.

– Тебе показалось.

– Тем не менее ты еще с ним встретишься, – уверенно сказал Пилот. – Голова этого молодого человека заполнена сквозняком и невесомостью, возникшими в результате свободного падения. В его черепной коробке нет места ни для страха, ни для благоразумия, и такой экстремал не остановится ни перед чем. Тем более если красивая девушка оставила ему домашний адрес.

– Я не оставляла ему домашнего адреса, – возразила Лисица, но Пилот, словно не слышав последних слов дочери, продолжал:

– Он может приземлиться к тебе на подоконник, как Карлсон. Или, как Волк из сказки, забраться в камин через дымоход. Ты даже можешь получить его по почте в посылке...

– Папа! – с мягким укором произнесла Лисица. – Мы не о том говорим!

– Ты права, – согласился Пилот и ненадолго замолчал, сосредоточенно управляя машиной.

Спустя минут десять лимузин свернул на узкую, круто опускающуюся к морю Святочную улицу и остановился у ювелирного магазина «Мираж». Пилот заглушил мотор.

Некоторое время отец и дочь молча смотрели по сторонам. На знойной улице, прогретой полуденным солнцем, как доменная печь, прохожих не было. Несколько машин припарковались на тротуаре, но тень давно ушла оттуда, и машины жарились, как курортники на пляже, отбрасывая на стены домов солнечные зайчики. «Боры» среди них не было.

– Иди, – сказал Пилот.

Лисица взяла полиэтиленовый пакет, наполненный разнокалиберными пластмассовыми коробочками, и открыла дверь.

– Как я? – спросила она, поставив тонкий каблук на порожек, и подняла лицо.

Пилот обернулся, опустил локоть на спинку сиденья.

– Как всегда – глаз не отвести.

– Ладно тебе! – усмехнулась Лисица и легонько провела ухоженными ногтями по смуглой щеке отца.

Она вышла из машины и, цокая каблуками по тротуарной плитке, подошла к стеклянным дверям магазина. Двери бесшумно распахнулись, и на Лисицу хлынул охлажденный кондиционерами воздух. Охранник в голубой рубашке, стоящий на входе, уставился на ее округлые бедра, обтянутые атласной юбкой.

Торговый зал был пуст. Лисица подошла к витрине, где на черном бархате лежали кольца, цепочки, кулоны, сверкающие золотом, бриллиантами и прочими драгоценными камнями.

– Вам чем-нибудь помочь? – спросила продавщица.

– Я все вижу сама, – холодно ответила Лисица, рассматривая золотого дракончика с алмазными глазами.

Прошло минут пять. Лисица перешла к витрине с перстнями. Продавщица, привыкшая иметь дело с богатыми и капризными клиентами, не спускала с девушки глаз и терпеливо

ждала, когда та что-нибудь выберет. В тот момент, когда Лисица мысленно восхищалась большим перстнем с крупным, как зерно фасоли, рубином, в ее сумочке зачирикал мобильный телефон.

– «Бора» подъехала к магазину, – сказал ей Пилот. – Он выходит...

Лисица торопливо кинула трубку в сумочку, виновато улыбнулась продавщице, мол, планы изменились, и пошла к выходу. Поравнявшись с охранником, Лисица раскрыла пакет и протянула ему.

– Вы не могли бы мне помочь? – попросила она.

Охранник не успел рта раскрыть и ответить, что инструкция запрещает ему отвлекаться, как Лисица уже всучила ему пакет и стала вынимать оттуда коробочки. Их было не меньше двух десятков, и, чтобы удержать их, Лисице пришлось прижать их к груди.

– Спасибо, – ответила она, направляясь к двери, за которой уже показались три мужские фигуры. – А пакет, сделайте милость, выкиньте в мусорную урну.

Стекланные створки разъехались в стороны. Делая вид, что не замечает движущихся на нее мужчин, Лисица устремилась вперед столь резво, будто ограбила магазин и уносила ноги. На мраморных ступеньках она торпедой врезалась в плечо круглолицего господина с обширной загорелой лысиной. Господин негромко сказал «Охxxxh!!» и остановился. Два рослых телохранителя напряглись и одновременно шагнули к нему. Коробочки вывалились из рук Лисицы. Упав на мрамор, они раскрылись. Под ноги господину, играя всеми цветами радуги, покатались и запрыгали колечки, брошки и сережки. На узконосый отполированный ботинок змейкой легло ожерелье со сверкающими стекляшками.

Один из телохранителей присвистнул. Второй крикнул от досады.

– Извините, – бархатистым голосом произнес господин и, медленно наклонившись, поднял с ботинка ожерелье.

– Ничего страшного, – ответила Лисица, выхватывая из рук господина бижутерию. Она тотчас задрала юбку выше колен, опустила на корточки и стала торопливо собирать сверкающие безделушки.

– Вам помочь? – участливо спросил господин.

– Не надо, не надо! – с плохо скрытым испугом ответила Лисица, желая показать, что не доверяет это дело никому. – Если можно, отойдите, пожалуйста.

Господин сложил на животе мягкие ладони, кивнул своим церберам, чтобы они отошли, и сам отступил на шаг.

– С удачной покупкой! – сказал он, с умилением глядя на Лисицу.

– Спасибо, – процедила Лисица. Она закинула в сумочку алюминиевый браслет, покрашенный под золото, и оглянулась по сторонам. Вокруг валялись только пустые коробочки. С тревогой на лице Лисица принялась осматривать коробочки.

– Что-нибудь пропало? – озабоченно спросил господин.

– Платиновое колечко с брюликом куда-то закатилось, – пробормотала Лисица.

Господин вскинул брови, посмотрел себе под ноги и сделал еще шаг назад. Телохранители переглянулись.

– Куда же оно могло закатиться? – с сомнением произнес господин.

Лисица выпрямилась, заглянула в сумочку и с облегчением вздохнула:

– Ой! Да оно здесь! Кажется, ничего не потеряла!

– Удивительная девушка, – произнес господин, с неподдельным интересом рассматривая Лисицу. – Как будто рассыпала помидоры, купленные на продовольственном рынке. Вы одна, красавица?

Губы телохранителей дрогнули в усмешке. Лисица не успела ответить, что она с папой, как раздался голос Пилота:

– Что случилось, дочь?

Господин и телохранители повернулись на голос и увидели, как из лимузина выходит презентабельного вида мужчина. Он мимоходом провел рукой по пиджаку, чуть ниже подмышки, как бы желая убедиться, что пистолет на месте, и быстро подошел к дочери.

– Все в порядке, папа! – поспешила успокоить его Лисица. – Я сама виновата.

– Прощу прощения, – мягко улыбаясь, сказал господин Пилоту. – Возможно, я немного задумался и вовремя не заметил вашей очаровательной дочери...

Пилот внимательно посмотрел в лицо господину, и морщины на его лбу разгладились.

– Что вы! От своего соседа по Горке я не могу ожидать чего-либо дурного, – ответил он.

– Соседа? – переспросил господин и слегка склонил голову, как иногда делают тугие на ухо люди. – Разве мы соседи? Что-то я вас раньше не замечал на Горке.

– Мы с дочерью недавно купили там дом, – ответил Пилот, обнимая Лисицу за плечо. – Голубенький. С белыми колоннами и амурчиками. Правда, еще не закончили ремонт...

– Ох, этот ремонт у меня уже в печенках сидит! – закатила глазки Лисица.

– Извините, мы торопимся! – сказал Пилот и на прощание кивнул.

Господин тоже кивнул и одарил долгим взглядом Лисицу. Повернувшись, Пилот и Лисица быстро пошли к лимузину. Провожая парочку взглядом, господин тихо произнес:

– Вот какие милые соседи у меня обнаружились. На лимузине ездят, бриллианты под ноги рассыпают. – Он немного помолчал и добавил: – Много бы отдал, чтобы узнать, как они зарабатывают себе на жизнь.

– Узнаем, шеф, – сквозь зубы процедил телохранитель.

– Не надо, – пресек инициативу господин. – Сыграем с ними в открытую. Я приглашу их на обед. Сегодня же отправлю открытку. Посмотрим, что это за фрукты и с какого дерева они упали...

Глава 5

Свинское состояние

Тем временем Клим свернул на крутую, вымощенную булыжником улочку, по которой протекал грязный ручей, и остановился у вывески «Стопка». Это был дешевый бар, в нем парни, по давней традиции, отмечали удачные трюки. Неудачных, правда, еще не было.

Клим вытряхнул содержимое мотошлема на сиденье, аккуратно разгладил на колене стодолларовую купюру, посмотрел сквозь нее на свет и сказал:

– Что мы имеем? Сто баксов и шестьдесят три рубля. Неплохо... Но теперь перед нами встает дилемма: эти деньги мы можем положить в нашу копилку в надежде когда-нибудь купить видеокамеру, а можем с чистой совестью пропить. Какие будут предложения?

Гера думал о девушке с русой косой. Кем приходится ей мужчина, который так запросто подарил им сто баксов? Отцом? Начальником? Дядей? Мужем? С виду застенчивая, краснеет от пристального взгляда, а ездит в лимузине, живет на Горке в доме с белыми колоннами и амурчиками на карнизах. Гера глупой чайкой пролетал мимо ее балкона и не видел ее. Он был слишком занят собой, своими ощущениями, и чувство превосходства делало его слепым. Оказывается, миленькая девушка в желтой майке и длинной цветастой юбке, похожей на индийское сари, каждый день смотрит на мир с высоты птичьего полета из окна своей спальни. Потому что живет на Горке в элитном доме. И ей вовсе не обязательно прыгать с телевышки.

Это открытие его опечалило. Клим первым ввалился в бар. Столик, за которым они традиционно напивались, оказался занятым группой упитанных женщин с высокими прическами. Женщины громко смеялись, сверкая золотыми зубами и цокая тяжелыми перстнями о стаканы, наполненные красным вином. Клим подошел к ним, представился начальником санэпидемстанции и доброжелательным голосом предупредил, что столик обработан хлорофосом против энцефалитного клеща и прикосновение к его поверхности может вызвать геморрагические язвы.

Девичник был испорчен, женщины вскочили со своих мест, быстро разобрали ополовиненные бутылки и вывалились на улицу. Официантка Ленка с большим шрамом на лице протерла стол тряпкой и унесла жестяную банку с окурками. Гера попросил бармена Юру сделать музыку погромче. Клим заказал шампанское в ведерке со льдом, чего в этой забегаловке отродясь не было. Парни чувствовали себя здесь хозяевами и всячески демонстрировали это.

– За твой прыжок, Алкалоид! – поднял тост Клим после того, как бармен Юра вместо шампанского во льду принес деревянный бочонок с мадерой.

Гера с утра ничего не ел, и его бедный желудок с жадностью принялся усваивать крепкое пойло. От первого стакана его сразу повело. Клим с любопытством посмотрел на свой опустошенный стакан, затем постучал пальцем по бочонку и изрек:

– Между первой и второй – промежуток небольшой.

Они выпили по второму стакану. Ленка принесла тарелку с пловом. Плов здесь хорошо готовили, и парни всегда заказывали тройную порцию. После очередного стакана Клим стал знакомиться с девчонками, сидящими напротив. Гера думал о девушке с русой косой. Хорошо бы каждый день прыгать с телевышки за сто долларов, да еще попутно, пролетая мимо голубого дома с колоннами, кидать на балкон цветы.

Бочонок вскоре опустел. Вытряхивая из него последнюю каплю, Клим сказал, что у них есть две альтернативы: заказать еще мадеры и напиться до свинского состояния либо поехать на набережную и там наклюкаться до бесчувствия разливным портвейном. Обе перспективы

казались ему равно привлекательными. Гере пить уже не хотелось. Он почему-то представил себе, как в «Стопку» вдруг заходит девушка со странным именем Лисица и видит его розовое свинячье лицо с влажным пяточком и скрученными ушами.

Как-то неожиданно за столиком оказалась Ленка. Клим пытался выпить с ней на брудершафт. Ленка тоже была пьяна, жуткий рубец на ее щеке покраснел, но от предложения Клим она застенчиво отказывалась. Потом к ним подсел бармен Юра с бутылкой крепленого вина – трезвый и хитрый – и принялся угощать парней за их счет.

Гера выпил еще полстакана и понял, что созрел для нового подвига.

Глава 6

Гвоздь программы

Никто не заметил, как он вышел на улицу. Уже стемнело. Гера сел в машину, нащупал под рулевой колонкой два провода и соединил их. Только таким способом можно было запустить стартер Скунса. Улицы были пустынные. Несколько минут Гера кружил по кварталам, отравляя свежий, пахнущий ночными фиалками воздух, и постепенно взбирался по серпантину вверх. На клумбе у кинотеатра «Чайка» он нарвал букет роз. Какая-то строгая женщина сделала ему замечание, и Гере пришлось подарить ей один цветок.

Он подъехал к станции фуникулера. Канатка уже не работала, и под звездным небом беззвучно покачивались подвесные вагончики, похожие на кабинки общественных туалетов. Вокруг было тихо и темно. Гера заглушил мотор, вышел из машины, взобрался на ее крышу и стал смотреть по сторонам. С гор сбегал прохладный ветер. Он задевал верхушки кипарисов и тихо теребил толстые листья магнолий. Между стволов и веток деревьев пробивался свет множества окон. Разномастные особняки выпирали из зарослей, словно грибы из травы.

Он спрыгнул с машины и пошел вверх по дорожке, присыпанной гравием. На этой улице жили богатые люди. Мощные кирпичные заборы напоминали крепостные бастионы. Из-за них глазели светящиеся окна. Гера прошел мимо белого трехэтажного особняка с черными наличниками и остановился перед изящным домом с барельефными колоннами, которые словно подпирали крышу из красной металлочерепицы. Карниз, нависающий над входной дверью козырьком, украшали лепные амурчики. В окнах первого этажа, заклеенных изнутри газетами, света не было. Каменная лестница, ведущая к двери, расширялась книзу, и по обеим сторонам от нее стояли белые вазы. Цветов в них не было, как и грунта. Второй этаж, кажущийся легким, почти воздушным из-за широких, на полстены, освещенных окон, был примечателен большим балконом с мощными перилами и мраморными балясинами. Дом напоминал фрагмент недостроенного Зимнего дворца.

Внешняя отделка еще не была закончена, хоть и подходила к концу. Во дворе, который отделяла от улицы лишь рваная сетка-рабица, темнели кучи песка и щебня. В тусклом свете, падавшем из окон второго этажа, можно было разглядеть пирамиды сложенного кирпича, брошенные лопаты, носилки и мешки с цементом. В воздухе стоял запах сырой извести и краски.

«Выходит, они еще только отстраиваются, – подумал Гера. – Неплохой домик отгрохали!»

Он нашел в сетке дырку, пролез во двор и тотчас вляпался в таз с сырым раствором. Хорошо, что рядом валялась черная спеловка, и Гера немедленно использовал ее как тряпку. Оглядываясь, он прошел мимо бетономешалки, постучал ногой по сваленным в кучу рулонам рубероида и поднялся по ступенькам к двери.

Он не был настолько наглым, чтобы зайти в чужой дом без приглашения, но его неудержимо несло на поиски приключений. Ночная прохлада несколько прочистила его мозги, и все же Гера еще не до конца понимал, чего добивается. Не утруждая себя поиском ответа на этот вопрос, он полез вверх по выступам в стене. Закинув ногу на карниз, ухватился за водосточную трубу, а затем добрался до окна, наполовину завешенного сморщенной шторой.

Возможно, на этом этапе он бы закончил исследовать новостройку, если бы не увидел в окне Лисицу. Чувство, какое Гера при этом испытал, было настолько нежным, что он едва не свалился на гору щебня, находящуюся как раз под окном. Девушка, поразившая его воображение, сидела в плетеном кресле, которое было единственной мебелью в совершенно пустой комнате, и крутила в руках стопорное кольцо, подаренное Герой после благополуч-

ного возвращения с орбиты. Лицо ее, как могло показаться, выражало тихую печаль, и вся она излучала кротость и целомудрие. Гера любовался чудесным профилем Лисицы самым бесстыдным образом до тех пор, пока от избытка чувств не стукнулся лбом о стекло.

Девушка вздрогнула, вскинула голову и посмотрела прямо на него. Тусклая лампочка, торчащая в голом патроне под потолком, отбрасывала на стекло блики, и девушка вряд ли могла увидеть физиономию незваного гостя. Она поднялась с кресла и, медленно ступая по блестящему паркету, приблизилась к окну.

– Добрый вечер! – радостно объявил он, как только Лисица подняла окно.

Какое-то мгновение девушка смотрела на него в упор, затем вдруг побледнела, отшатнулась и отпустила раму. Та, словно гильотина, заскользила вниз и врезала Гере по пальцам. Если бы он не был пьян, то заорал бы так, что дом пришлось бы штукатурить заново.

– Вы сумасшедший! – произнесла Лисица, снова поднимая раму.

Она была напугана, хотя пыталась сделать вид, что рада появлению парашютиста.

– Разрешите войти? – спросил Гера, на всякий случай подпирая раму затылком.

В этот момент в комнату зашел уже знакомый ему мужчина с благородной проседью на голове. Скользя мягкими тапочками по паркету, он пересек не меньше половины комнаты, когда наконец увидел застрявшего в оконном проеме Геру.

Лисица снова отпустила раму, полностью доверив ее голове гостя, и отошла от окна на шаг, словно давая понять, что за свое поведение он будет нести ответственность самостоятельно и по полной программе. Тяжелая рама, стоящая на голове Геры, приносила ему некоторое неудобство, но выбора у парня не было. Обими руками он держался за край подоконника, и если бы разжал пальцы, то неминуемо упал бы вниз.

Заинтересовавшись гостем, Пилот поставил кресло напротив окна, сел, закинул ногу за ногу и стал с любопытством рассматривать раскрасневшееся от алкоголя и напряжения лицо молодого человека. Гера тихо кряхтел, но улыбаться продолжал. Лисица, как всякая порядочная девушка, думала не о нем, а о своей чести.

– Папа, я не знаю, откуда он здесь взялся, – заверила она.

Гера быстро трезвел, и ему казалось, что череп уже дал первую трещину.

– Как зовут, сынок? – ласково спросил Пилот.

– Ы-ы-ы... – выдавил из себя Гера, уподобляясь штангисту, взявшему рекордный вес.

Шея устала и занемела. Гера понял, что долго не продержится. Он собрал в кулак всю волю и застыл, как скульптура Атланта – без какого-либо выражения на лице.

Лисица и Пилот продолжали с интересом рассматривать гостя. Гере захотелось плакать, что случалось с ним крайне редко. Ему на ум пришла страшная мысль, что хозяева даже не догадываются о том, какие муки ему приходится испытывать.

Но Пилот наконец встал с кресла, подошел к окну и, рассматривая глаза Геры, в которых уже затухал оптимистический блеск, заботливо поинтересовался:

– Вам рама не мешает?

Гера не мог даже кивнуть. У него хватило сил только на то, чтобы коротко ответить:

– Немного...

– Что ж вы молчали! – посетовал Пилот и взялся за раму.

Гера медленно на четвереньках перелез через подоконник. Очутившись в комнате, он с опаской посмотрел вверх. Обжегшись на молоке, дуют на воду, и Гера стал опасаться, как бы ему на голову не упал карниз, дверной наличник, кусок штукатурки или, в конце концов, потолок.

– Гера, – представился он и протянул Пилоту руку.

– Летчик-космонавт? Майор?

– Уже сержант запаса, – уточнил Гера, поглаживая темечко. – Меня разжаловали за пьянство в «Стопке».

Пилот положил Гере на плечо руку и повел по комнате.

– Ну, рассказывай, сержант запаса. С чем пожаловал?

Гера все еще продолжал озиаться по сторонам.

– Я подарил вашей дочери кольцо, – сказал Гера. – Думал, это от шлюзовой камеры спускаемого аппарата, а оказалось, что это чека от гранаты «эф один». Они же похожи, как две капли воды! И моему другу приходится до сих пор сжимать гранату в кулаке. Ни выкинуть, ни в карман положить! Он в «Стопке» уже четвертый час сидит. В одной руке «эфка», а в другой стакан. Плачет и пьет. Пьет и плачет. А посетители под столами лежат. Официантка, как фронтовая санитарка, ползает по полу с большой бутылкой, и наливает тем, кто громче стонет. А меня за кольцом послали.

– Хороший повод, – признал Пилот. – Давно с парашютом прыгаешь?

– Я вообще-то хотел самоубийством покончить, – ответил Гера и, наклонившись, почесал за ухом невестку откуда взявшегося спаниеля. Псу такая фамилльярность прилась не по душе, и он молча цапнул Геру за палец. Тряся рукой и морщась от боли, Гера добавил: – На кой черт, спрашивается, мне такая жизнь... Но Клим успел незаметно повесить на меня ранец с парашютом. Суицида не получилось.

Лисица показала спаниелю кулак. Пес, качая права, твякнул на нее.

– А вы его поменьше кормите, – посоветовал Гера.

– Это не наш, – сказала Лисица. – Сосед оставил. Он в отпуск уехал, а собаку – нам.

– Хитрые же у вас соседи! – покачал головой Гера и снова покосился на потолок. – Ремонт делаете? А разнорабочий вам не требуется?

– У тебя проблемы с деньгами? – спросил Пилот, поворачиваясь лицом к Гере и опуская руки в карманы.

– Никаких проблем! – уверенно заявил Гера. – Это у Клим проблемы. Он видеокамеру купить хочет.

– А зачем Климу видеокамера?

– Чтобы снимать трюки и продавать на телевидение.

– И какие же трюки вы хотите снимать?

– Всякие. Ну, приземление на крышу автомобиля вы уже видели. Еще я собираюсь перепрыгнуть на мотоцикле через движущийся железнодорожный состав. Планирую взобраться на Чертов Палец с завязанными глазами и связанными ногами. А гвоздем программы станет прыжок с вертолета без парашюта.

– Очень увлекательно, – оценил Пилот, внимательно рассматривая лицо Геры. – А это не слишком опасно – прыгать без парашюта?

– Объясню! – выставив вперед ладонь, сказал Гера. – Вертолет набирает высоту, я открываю дверь и сбрасываю вниз ранец с парашютом.

– Так, – кивнул Пилот. – Замечательно!

– Потом считаю до пяти и прыгаю следом за ним в одних плавках.

– А почему в одних плавках?

– Чтобы уменьшить сопротивление воздуха и догнать в полете ранец.

– Потрясающе! – задумчиво произнес Пилот.

Глава 7

Бутылка с детонатором

– Папа, – сказала Лисица, глядя, как спаниель лихорадочно чешет за ухом. – По-моему, у него опять блохи завелись.

– А вы постригите его наголо и натрите смесью керосина и метилфентанила. Через тридцать секунд все блохи сдохнут, – посоветовал Гера.

– А не хочешь ли ты, дружище, поужинать с нами? – неожиданно сменил тему Пилот.

– Я ужинал. Плов с мясом. Тройная порция, – признался Гера. – Я бы позавтракал вместе с Лисицей, да вы же не позволите у вас переночевать.

Отец и дочь переглянулись. Девушка судорожно сглотнула и закашлялась.

– Тогда, может быть, выпьем чего-нибудь? – предложил Пилот.

– Выпить можно, – согласился Гера. – Кстати! Я работаю инструктором на тарзанке в парке культуры и отдыха. Приходите, я дам бесплатно по разу прыгнуть. Восемьдесят метров свободного падения! Стопроцентная гарантия, что от избытка адреналина в крови все штаны мокрые будут!

– Я обязательно приду, – пообещала Лисица. – А с собачкой можно?

– У собачки может случиться инсульт с переходом в прогрессирующее слабоумие, – предостерег Гера.

Они вышли на широкую мраморную лестницу, освещенную светильниками в виде свечей, и спустились на первый этаж. Кухня представляла собой нечто похожее на камеру пыток, где на цепях под потолком висели моренные бревна, а пол был покрыт плиткой, имитирующей брусчатку. На серых, обвитых суррогатным плющом стенах висели медные факелы. Посреди стоял мощный, грубой отделки стол, покрытый благородными трещинами. В камине тлели угли.

– Неплохо тут у вас, – сказал Гера, садясь на тяжелый дубовый стул, на спинке которого была вырезана голова льва с разинутой пастью.

Лисица села у камина и кинула в угли полено. Пилот поставил на стол три бокала, вынул из холодильника квадратную бутылку виски и стал разливать.

– Мне, пожалуйста, со льдом, – попросила Лисица.

– И мне тоже, – присоединился Гера.

Пилот достал лед и кинул белые кубики в бокалы. Лед стал тихо потрескивать.

– Я хочу помочь тебе, – сказал Пилот, поднимая бокал. – Окажешь мне небольшую услугу, а я за это куплю вам с Климом видеокамеру.

– Заманчивое предложение, – сказал Гера, делая глоток из бокала и откровенно морщась. – А что за услуга?

Он крутил в руке бокал и смотрел на него с таким видом, словно в нем лежала заспиртованная крыса.

– Я думаю, для тебя это не составит большого труда.

– Если не составит большого труда, то почему такое щедрое вознаграждение? – настаивал Гера.

– Для тебя! – сказал Пилот и поднял вверх указательный палец, заостря внимание Геры на своих словах. – То, о чем я тебя попрошу, ты наверняка сделаешь с легкостью, а кто-то другой не согласится на это даже за огромные деньги.

– Вы меня заинтриговали, – произнес Гера. – А у вас случайно портвейна нет? Я виски не слишком уважаю. Двадцать пять лет живу, а только сейчас об этом узнал.

– Может, вам водки с соком налить? – предложила Лисица.

– Да-да, это то, что нужно! – оживился Гера. – В соотношении один к трем.

– Одну часть водки и три сока? – уточнила Лисица, вынимая из холодильника бутылку и пакет.

– Наоборот! Три водки и одну сока!

Пилот был человеком мудрым и умел предсказывать ход событий. Понимая, что после такого коктейля у молодого человека резко понизятся коммуникативные функции и разговаривать с ним будет весьма затруднительно, Пилот щелкнул пальцами, привлекая внимание дочери, и показал ей открытую ладонь. В данной ситуации это значило следующее: «Я понимаю, что парень тебе понравился, тем не менее прошу тебя охладить свой пыл и гостеприимный энтузиазм и не наливать ему до тех пор, пока я не скажу».

– И все же давай вернемся к моему предложению, – напомнил Пилот.

– Да! – ответил Гера и хлопнул себя ладонью по лбу. – Я уже и забыл! Значит, вы хотите, чтобы я оказал вам какую-то услугу?

Видя, что Лисица готовит коктейль слишком медленно, Гера тяжело вздохнул и залпом, как горькое лекарство, выпил виски.

– Твой парашют управляемый, так ведь? – спросил Пилот.

– Параплан! Это крыло с двухслойной воздухо непроницаемой оболочкой «РЛ десять», – с чувством гордости сказал Гера и оглянулся на Лисицу. Девушка готовила к работе мерный стаканчик, тщательно протирая его полотенцем.

– Значит, ты сможешь пролететь над любым домом нашего города?

– Обижаете! – развел руками Гера. – Я призер общероссийских соревнований на точность приземления!

– Никогда бы не подумал, – удивился Пилот. – В таком случае, моя просьба для тебя – сущий пустяк. Недалеко отсюда стоит кирпичный особняк, обнесенный забором. Я покажу тебе его. Там живет мой приятель. Завтра я буду у него в гостях.

Пилот на минуту замолчал и пригубил стакан с виски.

– И вы хотите, чтобы я приземлился у вашего приятеля во дворе? – попытался догадаться о замысле Пилота Гера.

Пилот рассмеялся.

– Не совсем так, – сказал он. – Ты ведь знаешь: мы, новые русские, хоть и примитивные люди, но очень любим друг друга эпатировать, любим кураж и глупые эффекты. Любим выпендрож, если говорить нормальным языком. И я бы хотел, чтобы ты, пролетая над двором, кинул туда бутылку шампанского.

– Бутылку шампанского? – удивился Гера, нахмурил брови и опять повернулся к Лисице. Он то ли желал увидеть, на каком этапе находится процесс приготовления коктейля, то ли хотел узнать у девушки, как она относится к подобного рода сюрпризам.

– Это будет что-то вроде хлопушки, – пояснила она, по капле нацеживая водку в мерный стаканчик. – Бах – и брызги шампанского разлетаются по всему двору.

– А вы уверены, что такой сюрприз понравится вашему приятелю? – высказал сомнение Гера.

– А это уже не твое дело, сынок, – ответил Пилот.

– За все последствия отвечаем мы, – добавила Лисица.

– Мы заказываем музыку и платим за нее деньги, – с другой стороны отозвался Пилот.

– Это будет что-то вроде шоу, – вторила Лисица.

Гера устал крутить головой. Он опустил лицо и уставился в пустой стакан.

– Бах – и стеклянные осколки по всему двору, – пробормотал он. – Я должен подумать...

– На раздумья уже нет времени, – возразил Пилот. – Завтра вечером, в шесть часов пятнадцать минут, ты должен сбросить бутылку во двор моего приятеля.

Лисица поставила перед Герой стакан с коктейлем. Воспользовавшись его невниманием, она коварно нарушила пропорции и смешала рюмку водки со стаканом апельсинового сока.

Гера осушил стакан, вытер губы рукой и пробормотал:

– Что-то меня сегодня не берет.

– Так бывает после стресса, – с пониманием ответил Пилот и, вынув из кармана бумажник, стал медленно выкладывать на стол одну купюру за другой.

Гера искоса следил за его рукой.

– Одна тысяча долларов, – подвел итог Пилот. – Хватит?

– Но-о-о... – протянул Гера.

– Хорошо, – прервал его Пилот и выложил еще две купюры. – Одна тысяча двести. Пересчитай.

– Вы меня не поняли. Лучше будет, если деньги вы мне дадите потом.

Пилот усмехнулся и опустил ладонь на руку Гере.

– Если бы мы были мошенниками, то приняли бы твою просьбу. Но я не хочу, чтобы ты думал о нас плохо.

Гера неуверенными движениями сгреб со стола деньги, но вдруг сам почувствовал себя мошенником.

– Нет, – сказал он, возвращая купюры Пилоту и пряча руки под стол. – Это дурная примета. У меня может не раскрыться парашют. Или шампанское не вовремя взорвется.

– Ну, коль есть такая примета, не будем испытывать судьбу, – согласился Пилот и убрал деньги в бумажник.

– А где бутылка? – спросил Гера.

– Бутылку я дам тебе перед прыжком.

– У нее какой принцип – часовой механизм, бикфордов шнур или детонация?

– Детонация, – ответил Пилот и встал из-за стола.

– А какой тротиловый эквивалент? – донимал Гера расспросами. – Сто граммов? Двести? Или килограмм? Я должен рассчитать высоту...

– Проводи молодого человека, – сказал Пилот дочери. – Заодно покажи дом моего приятеля.

– Да, проводи меня! – охотно поддержал Гера, тоже поднимаясь из-за стола.

– Встречаемся завтра в пять тридцать у входа на морвокзал! – протягивая руку, сказал Пилот.

Гера тоже протянул руку, но промахнулся. От второй попытки он отказался и лихо козырнул. Пилот легко подтолкнул его в спину.

– Можно я возьму вас под руку? – спросила Лисица.

– Ты что, так сильно опьянела от стаканчика виски, что должна держаться за меня? – удивился Гера и тотчас налетел на дверной косяк. Раздался глухой удар. Отряхнув голову от штукатурки, Гера с гордым видом покинул гостеприимный дом.

Глава 8

Скунс

Лисица догнала его на ступенях и взяла под руку.

– Осторожнее, здесь где-то корыто с раствором! – предупредил Гера и тотчас вляпался ногой в смолу.

– Этот ремонт у нас самих уже в печенках, – заметила Лисица, бережно управляя Герой среди препятствий.

Они вышли на улицу. Плотная темнота накрыла их с головой. Казалось, что они попали в огромный кинозал, и вот погас свет...

– Ты куда меня ведешь? – спросил Гера, получая несказанное удовольствие от того, что Лисица держит его под руку. Жаль только, что в такой крошечной тьме невозможно было любоваться ее симпатичной мордашкой.

– Я посажу вас на автобус.

– Какой автобус! Я же на машине!

– А где вы ее оставили?

– У канатки.

– Но как вы ее поведете? Посмотрите, в каком вы состоянии...

– А ты думаешь, я в лучшем состоянии прыгаю с телевышки?

– Давайте свернем в этот переулок. Я покажу вам тот дом...

– На который я должен буду сбросить авиационную бомбу?

– Говорите, пожалуйста, тише!

– Хорошо. Только ты объясни, почему папа называет тебя Лисицей? Ты что, очень хитрая? Или рыжая?

– Ни то, ни другое. В детстве я очень любила курицу... – Тут она перешла на шепот: – Еще раз направо... Стоп. Вот этот забор с фонарями видите?

– Все ясно, – сказал Гера, особенно не приглядываясь к забору, и повернулся к Лисице. – На этот дом я плевал с высоты птичьего полета десятки раз... Но ты вообще понимаешь, что я делаю это только ради тебя?

Лисица прижала ладонь к его губам.

– Пойдемте, – прошептала она. – Я провожу вас до дома.

– До дома? Какая ты самоотверженная! – ляпнул Гера. – Как твои изнеженные глазки смогут лицезреть мою убогую холостяцкую берлогу? У меня амурчики с крыши не писают и на кухне цепи не висят.

– Это не главное, – ответила Лисица.

Они дошли до машины. Гера хлопнул ладонью по капоту, поставил ногу на колесо и с вызовом посмотрел на девушку.

– Не лимузин, конечно. Если не брезгуешь, садись на заднее сиденье.

– Я сяду за руль.

– За руль?! – ахнул Гера. – Это невозможно. Ты натрешь мозольчики на своих бархатистых ладошках и испачкаешься в мазуте.

Не поддавшись строгому предупреждению, Лисица не без усилий открыла дверцу (правильнее было бы сказать выломала), опустилась на сиденье, из которого во все стороны торчали желтые мочалки, и посмотрела на путаницу из проводов, заменяющих приборную панель.

– Имей в виду! – погрозил пальцем Гера, заползая на переднее сиденье через боковое окошко – вторая дверца не открывалась, она была приварена к кузову намертво. – Руль здесь

имеет почти символическое значение. Второй передачи нет – после первой скорости надо переключаться на третью, и при этом все время держать рычаг, иначе шестеренка соскочит на нейтралку.

– Поняла! – испытывая необъяснимый восторг, азартно воскликнула Лисица и решительно взялась за рычаг передач. – А как она заводится?

Гера наклонился и долго копошился под ногами девушки. После чего машина издала ужасный скрежет, потом часто захрюкала и, наконец, задрожала, окуривая себя едким черным дымом.

– Ура! – крикнула Лисица. – А где педаль газа?

– Здесь нет педали! – перекрикивая ужасный храп двигателя, ответил Гера. – Тут, как в самолете, рычаг. Нашупай слева под сиденьем. Только, смотри, за катапульту не дерни! Был у нас уже такой случай. Клим пробил головой крышу и застрял в ней. Пришлось потом автогеном разрезать.

– Крышу?

– Нет, Клима! Полный вперед!

– А где фары включаются?

– Там же, где кондиционер, магнитола и бортовой компьютер!

В это трудно было поверить, но Лисица смогла тронуться с места. Ночь была темной, и потому пожарная охрана, дежурившая на каланче, не заметила столба дыма, вырастающего в районе фуникулера. Оглушительный треск Скунса вынудил всех местных псов, как бродячих, так и домашних, поднять истерический лай. С таким звуковым сопровождением машина медленно спускалась с Горки в ночной город.

– Я не вижу, куда ехать! – крикнула Лисица, вцепившись в руль.

– Это не имеет значения! Ориентируйся по звукам ударов. Если ударилась левым боком, крути руль вправо. И наоборот! – крикнул Гера, отыскивая что-то на ощупь под своим сиденьем.

– Здорово!

– Как в лимузине? – спросил Гера, извлекая из-под сиденья ополовиненную бутылку с каким-то темным напитком.

– В лимузине скучно. В нем не чувствуешь движения. А я люблю гонять на мотоцикле, и прыгать с парашютом, и летать на самолетах.

Гера посмотрел на Лисицу с уважительным любопытством и выдернул зубами пробку.

– И когда ты успела все это полюбить?

– Я когда-то работала стюардессой на коммерческих рейсах. Вместе с папой. А сейчас медсестрой на «Скорой помощи».

– Вот как! – воскликнул Гера, делая большой глоток из бутылки. – А кем работает твой папа?

– Раньше он был летчиком. А сейчас бизнесмен... Ой, нас несет на мусорные баки!

– Крен вправо!

– Дала!

– Выпусти закрылки!

– Выпустила! Не помогает!

– Тогда катапультируйся!

– А ты?

– Я уведу неуправляемую машину подальше от города и погибну!

– Я с тобой! Нас похоронят в братской могиле!

Машина задела мусорный бак, который с оглушительным грохотом упал на тротуар. Гера схватился за руль, круто повернул его и загнал машину в проходной двор.

– Добавь скорости! – крикнул он. – Мы поцарапали мусорный бак. Сейчас выбежит хозяин.

– А что ты пьешь?

– Стронь дринк.

– Дай мне!

Гера хотел сказать, что пилотам этот напиток не положен, но Лисица выхватила из его руки бутылку и приложила к горлышку.

– А ты мне нравишься, – оправившись от легкого шока, признался Гера.

– У богатых свои причуды, – скромно ответила Лисица, возвращая бутылку.

– Прилетели! – оповестил Гера и оборвал какой-то провод.

Машина заглохла и мягко притерлась колесами к бордюру тротуара как раз под неоновой вывеской «Стопка».

Глава 9

Завтра он пожалеет

Сигаретный дым покачивался под потолком бара, словно пар в жарко натопленной сауне. Где-то в его плену крутился зеркальный шар, но острые вспышки света увязали в нем, притухали и напоминали уже не звезды, а ленивые снежные хлопья. Оглушительная музыка билась словно в агонии, сотрясая стены и пол. В такт ей у барной стойки прыгали тени. Все столы были заняты и заставлены бутылками, нацеленными в потолок, чем напоминали ракетные позиции в полной боевой готовности. Люди, сидящие за столами, громко разговаривали, кричали, хватали друг друга за воротники, чокались, толкались, роняли головы в тарелки, обнимались, целовались, вставали и снова садились. Бар был наполнен непрерывным и хаотичным движением.

- Наше любимое место отдыха! – прокричал Гера Лисице.
- Здесь очень уютно!
- Сюда приходят только хорошие и умные люди!
- Я это сразу поняла!

Гера повел Лисицу между столов. Им под ноги упал тщедушный гражданин интеллигентного вида, с бело-зеленой лысиной, в очках, которые в результате падения оказались под щекой. Почувствовав себя на полу более комфортно, чем за столом, гражданин причмокнул губами, поелозил щекой по липкой луже и тотчас уснул.

– Это мой хороший знакомый, – представил гражданина Гера, аккуратно переступая через бесчувственное тело. – Профессор гуманитарного колледжа. Я учился у него истории философии.

- Он взял Лисицу за руку и помог ей перепрыгнуть через профессора.
- Очень достойная личность! – оценила Лисица.
- Не то слово!

Клим обнаружился у барной стойки. Он прыгал в кругу девчонок, которые, взявшись за руки, с визгом хороводили, и при этом Клим ритмично размахивал кулаками вверх-вниз, словно работал лыжными палками, и хрипло орал:

- Давай! Давай! Давай!

Девчонки бежали с нарастающей скоростью, и их волосы развевались от потока воздуха, словно лошадиные гривы. Вращающийся круг начал деформироваться, задевать столы и людей, что-то упало на пол, зазвенело битое стекло, у одной из девчушек подкосились ножки, и она рухнула на пол. Цепочка разорвалась. Восторженный визг на мгновение заглушил музыку.

– Штрафную ему! – заорал Клим, увидев Геру. Рубашка его была расстегнута до пупа, и глянцевого от пота загорелое тело блестело, как эбонитовая статуэтка. Расталкивая девчонок, он ринулся к другу, и только тут заметил Лисицу. Он ее узнал, и лицо его скривилось.

– Знакомься, – сказал Гера. – Это Лисица. Она любит жареную курицу и прыжки с самолета.

Лисица улыбнулась и протянула Климу руку. Клим, сделав вид, что не заметил этого жеста, убрал со лба мокрую прядь волос, взял Геру под руку и отвел в сторону.

– Ты что? – зашипел он, комкая в руках ворот Геры. – Какого черта ты с ней связался? Я же тебе говорил – она не нашего поля ягода!

– Ее отец купит нам видеокамеру, – ответил Гера и, обернувшись, помахал Лисице рукой.

- Видеокамеру? – не поверил Клим. – Вот так запросто возьмет и купит?

– Не так запросто. Я должен сбросить бутылку шампанского на голову его конкурента.

– Что?! – заорал Клим. – Сбросить бутылку?! Ты в своем уме, Алкалоид?! У тебя токсикоз от избытка адреналина! Ты соображаешь, что говоришь?!

Гера с опозданием зажал его рот рукой. Их толкали мокрые гибкие тела, пахнувшие шампунем и дешевыми духами.

– Гони ее отсюда! – снова крикнул Клим, сорвав руку Геры со своего лица. – Чтоб духу ее здесь не было! Она вытрет о тебя ноги и забудет тебя! Ты нахлебаешься с ней горя, видит бог! Она затащит тебя в болото с жабами и пиявками!

– Она мне нравится, Клим.

– Идиот! На кой хрен ты ей нужен со своими дырявыми карманами! – взревел Клим и принялся дергать себя за волосы. – Если ты хочешь нежных чувств, то ищи себе ровню! Ров-ню!!

Он схватил Геру за руку и потащил его в глубь беснующейся толпы.

– Вика! – звал он. – Викуля!

Курносая девушка с блестящими глазами, прыгая, приблизилась к Климу. Не останавливаясь, как заведенная, она продолжала танцевать. Подняла вверх руки, сцепила их в замок и стала выпгибаться, как гусеница на ветке. Клим взял ее за талию и подтолкнул к Гере.

– Вот... Вот какие девушки должны нравиться отважным парням! Вот... Ну-ка, повернись к нему спиной! – приказал он Вике. – Пожалуйста! Полюбуйся! Чем не персик!.. Теперь встань боком, грудь вперед!.. Понятно, Алкалоид? Ты сделал вывод? Вот образец! Дух захватывает! Ты пощупай грудь! Нет, ты пощупай грудь!

– Я не хочу щупать грудь! – признался Гера.

– Ты должен этого хотеть! – настаивал Клим. – Всякий уважающий себя мужчина должен стремиться к этому!.. Вика, не оставляй его, хоть он и взбесился!

– Хочешь, пойдем ко мне? – сказала Вика Гере. – Здесь недалеко.

Она заглядывала ему в глаза. Он отворачивался, чтобы найти в толпе Лисицу, но Вика касалась его щеки и снова поворачивала его лицо к себе.

– Где же она? – бормотал Гера. – Я потерял девушку...

– Ее потерял, меня нашел.

Тут Гера увидел Лисицу. Она поднималась по ступенькам к выходу. Открыла дверь и вышла.

– Вика, извини! – крикнул Гера и тараном кинулся к выходу.

Он догнал ее на повороте улицы, где на мокрой брусчатке отражался холодный свет неоновых фонарей.

– Лисица! – задыхаясь от бега, прошептал Гера и взял девушку за руки. – Что ж ты... Я тебя потерял...

– Наверное, я мешаю тебе веселиться, – сказала Лисица и грустно улыбнулась. Она высвободила руку и махнула ею. Пока Гера думал, что может означать этот жест, рядом с ними остановилось такси.

– На Горку, пожалуйста, – сказала девушка водителю, открыв дверцу.

– Подожди! – крикнул Гера. – Мне надо тебе сказать...

Он замолчал и облизнул пересохшие губы. Лисица ждала.

– Знаешь, – вдруг сказала она, внимательно глядя в его глаза. – Ты забудь о нашем разговоре на кухне. Считай, что мы пошутили.

– Как это пошутили? Как это...

– Я же вижу, что ты жалеешь. Не надо. Иди к Климу. У тебя хороший друг.

– Молодые люди! Мы едем или как? – поторопил водитель.

– Если я пообещал, я слово сдержу, – произнес Гера.

– Ты выпил лишнего, – с сожалением сказала Лисица и села в машину. – Завтра ты пожалеешь о своих словах.

– Я сделаю это! – тверже повторил Гера.

Он повернулся и побежал к «Стопке».

Глава 10

Целомудренная и усталая

Отец парил ноги и смотрел по телевизору футбол. Несмотря на то, что по его крепкой красной шее струился пот, он был в теплом халате и спортивной шапочке.

– Вот же мазила! – возмущался он. – С трех шагов не попасть в ворота!.. А ты долго гуляла. Я уже подумал...

– Он пригласил меня в бар, – ответила Лисица, опускаясь на стул.

– Ты много выпила? Хотя можешь не отвечать... Поддай-ка мне очки! Они на подоконнике.

Он вынул ноги из таза и опустил их на полотенце, брошенное на каменный пол. Затем выключил телевизор, надел очки и стал вынимать из папки фотографии и схемы.

– Сосредоточься, если сможешь, – предложил он, раскладывая содержимое папки на столе. – Это план застройки нашего квартала, который я выудил в архитектурно-планировочном отделе. Вот этот квадратик – забор. Черный прямоугольник – коттедж.

– А это что за куриное яйцо? – спросила Лисица, ткнув пальцем в план.

– Это бассейн.

Пилот посмотрел на дочь поверх очков так, словно хотел сделать ей замечание по поводу ее легкомыслия, но промолчал и придвинул Лисице большую цветную фотографию.

– А этот фотоснимок сделан с самолета. Я раздобыл его в институте аэрогеологии. Возьми лупу... Снимали вечером, и точность контуров немного смазывается тенями. Но его двор виден прекрасно.

Лисица склонилась с лупой над снимком. Волосы упали на стол и загородили свет. Изображение на снимке потемнело, словно вдруг зашло солнце. Лисица сопела, напрягала глаза, но все равно изображение плыло, будто кто-то тянул за краешек фотографии. Наконец, ей удалось сосредоточиться на коричневом квадрате забора. Теперь Лисица видела зеленые пятна кустов и голубой, как медный купорос, овал бассейна. Можно было различить даже людей. Смуглый человечек в плавках, по виду мужчина, стоял на бордюре бассейна, вытянув вперед руки.

– Какой живот! – воскликнула Лисица. – Сейчас он как плюхнет в воду! И поднимется огромная волна, и она обрушится на двор, и смоет всех злодеев, стяжателей и расхитителей, и спасется только большой мохнатый кот, который успеет взобраться на макушку пальмы...

– Ниже посмотри!

– Ниже... Ага, вижу! Это стол! – обрадованно произнесла Лисица. – Полигон чревоугодия. Холестериновая заправочная станция. Портативный гастроном. Беленький, круглый. И стульчики...

– А что на столе лежит?

Лисица снова засопела от усердия.

– Не пойму... Вроде костыль...

– Костыль! – усмехнулся Пилот. – Это «калаш», моя дорогая.

Лисица подняла голову и, глядя на отца сквозь увеличительное стекло, произнесла:

– Лучше бы это был костыль. И чтобы все обитатели особняка скакали на костылях: стук-прыг, стук-прыг... Ну их в баню, папуля! Я уже чувствую, как альтруизм наполняет мою душу истомой благородства и нравственной чистоты, триумфально изгоняя алчность...

Пилот вытер ноги полотенцем и сунул их в мягкие розовые тапочки.

– Нашему юному другу ничего не грозит, – сказал он, закапывая в ноздри нафтизин. – Я уже просчитал: он будет парить над двором не больше пяти секунд. Если охранники догадаются задрать головы кверху, то увидят его. Но скорее всего не догадаются. Проблема не в этом.

– А в чем?

– Как бы он не передумал завтра утром... Как ты думаешь, горчичники ставить или нет?

– Не надо, – поморщилась Лисица. – Если поставишь, от тебя будет пахнуть, как от арабской шаурмы. Давай лучше натрем грудь красным перцем.

– А лучше сразу серной кислотой... М-да, простуда летом – скверная штука... Конечно, мы можем обойтись и без него, – развивал мысль Пилот. – Предположим, ты перекинешь бутылку через забор. Но вероятность того, что она упадет на пол, а не мне на голову, весьма мала.

– Он сделает это, папа, – сказала Лисица, глядя на отца сонными глазами.

Пилот посмотрел на дочь поверх очков взглядом учителя нравственности.

– У тебя с ним что-то было?

– Ну что за вопросы? – вяло возмутилась Лисица. Она опустила голову на стол. Сон был близок к победе над ней. – Да. Мы катались по ночному городу на машине без тормозов. Именно это и было «что-то»...

– Я имею право задавать такие вопросы, – спокойно отпарировал Пилот. – Потому что я воробей стреляный. К тому же я еще и твой отец.

– Он смешной, – бормотала Лисица, не поднимая головы. – И... добрый. Но никакого повода я ему не давала! Ни повода, ни намека, ни двусмысленного взгляда, ни вздоха, полного сладкой неги, ни истомы в полуоткрытых губах... Ни-ни! Я держалась как оловянный солдатик в сарафане цвета хаки, в кирзовых подкованных туфельках и с противогазной сумкой на плече. Я была целомудренной, как престарелая настоятельница женского монастыря.

– Настоятельница по барам не шастают, – заметил Пилот. – Тем более престарелые...

Он открыл холодильник и вынул оттуда коробку с нарисованными на ней фруктами. Водрузив ее посреди стола, Пилот осторожно развязал тесемку и приподнял картонную крышку.

– Смотрится нормально, – сделал он вывод, глядя на коричневый торт, лишенный каких бы то ни было кремовых завитков, цветов или фруктов. – Как настоящий шоколадный. Укусить хочется.

– Не надо его кусать, – предупредила Лисица. – Такими тортиками в поликлинике мышей выводят. Они умирают в страшных муках от несварения.

– Пусть лежит в холодильнике? – спросил Пилот.

– Пусть. Но перед применением его надо часик подержать на солнце. Чтобы стал мягким. Как подушка...

Пилот убрал торт в холодильник. Лисица обнимала стол и тихо сопела, как студент на лекции.

– Я завидую твоей выдержке, – признался Пилот. – А мне что-то не спится. Старею, наверное... Не мучайся, иди наверх!

Но Лисица уже крепко спала и не слышала его.

Пилот поправил очки и стал перечитывать открытку, которую ему сегодня принес посыльный.

«Дорогой сосед! Чувство вины за мою неловкость не оставляет меня, и желание хоть отчасти загладить ее столь велико, что я настойчиво приглашаю Вас и Вашу очаровательную дочь завтра ко мне на обед к 18.00 по адресу: Вольготный пер., строение 4».

Дочитав до конца, Пилот отправил открытку в камин и пошуровал в углях кочергой. Открытка вспыхнула алым пламенем, скукожилась и превратилась в тень.

Глава 11

Прыгайте после дефекации!

Перед входом на тарзанку, то есть на лестницу башенного крана, со стрелы которого сигналы любители острых ощущений, каждый день появлялись новые объявления. Шутники изошрялись в остроумии. «Желающие продать свои органы мединституту обращайтесь к администрации. Разбитые всмятку мозги не предлагать». «Продается скребок большого размера. Родственникам прыгунов – скидка». «В связи с жаркой погодой убедительная просьба всем прыгунам сдать администрации по килограмму сухого льда».

В это утро, когда Гера на целый час опоздал на работу, за что получил втык от директора парка, у лестницы появились новые объявления: «Ув. прыгуны! Снимите ростовую мерку и вместе с билетом отдайте ее инструктору. Это упростит последующую процедуру». Ниже размашистым почерком было написано: «Тарзаны! Уважайте труд уборщиков! Прыгайте натошак и после дефекации!»

Бумажки с подобными шуточками Гера не срывал, несмотря на то, что был кровно заинтересован в увеличении количества клиентов, так как с каждого прыгуна имел свой процент. Он считал, что черный юмор, наоборот, подхлестывает желание смельчаков испытать себя.

Но в это утро ему было решительно наплевать, сколько человек отважится сигануть вниз головой с восьмидесятиметровой башни. У него было подавленное настроение, отсутствовал аппетит, и мучила жажда.

– Что вы все время хватаетесь за поручень! – прикрикнул он на кудрявого мужчину, который шмыгал носом и дурными глазами смотрел вниз. – Стойте смирно, пока не поступила команда последний раз взглянуть на солнце!

– У меня даже ладони вспотели, – признался мужчина.

Гера, сидя на корточках, стягивал ноги мужчины широкой тканевой лентой.

– А ноги у вас, случайно, не вспотели? – угрюмо осведомился он и как-то странно повел носом.

– А что? – забеспокоился кучерявый.

– Встать ровно! Смотреть вперед! Не дышать! Фамилия?

– А фамилия зачем? – жалобным голосом спросил побледневший тарзан.

– Как зачем? Вы что, правил не читали? Хотите стать неопознанным летающим объектом? В городе уже и так все морги заполнены под завязку. Еще с вами потом разбирайся.

– Шницель, – стыдливо представился клиент и заискивающе заглянул в глаза Гере, в надежде увидеть лукавый и озорной блеск, но глаза молодого человека были холодны и не блестели.

– Ну вот, – мрачным голосом сказал Гера. – И фамилия у вас подходящая. Позавчера тоже один разбился. Котлетян была его фамилия.

– Вы, наверное, шутите? – не позволял умереть надежде клиент. – Так сказать, психологический прессинг, акселерирующий состояние аффекта...

– Если бы шутил! – вздохнул Гера. – Резинка насквозь гнилая!

Клиент с ужасом посмотрел на свои связанные ноги и нервно икнул.

– Извините, – пробормотал он. – Я передумал прыгать. Бес попутал сюда взобраться. Хотел проверить себя, закалить, так сказать, волю...

– Патологоанатом проверит, а в крематории закалят, – пообещал Гера. – Эй, эй, гражданин! Не надо хитрить! И как это вы умудряетесь со связанными ногами от края площадки отползать? Ну-ка, прыгайте вперед! Раз-два!

- Позвольте...
- Зайчиков в цирке видели? Руки на груди сложили и – прыг, прыг, прыг!
- Я буду жаловаться...
- Молчать! Обратного пути нет! Сделали глубокий вздох!
- Я отказываюсь... Я хочу обратиться в страсбургский суд...

С тихой скорбью профессионального палача Гера положил руку на плечо кучерявому и легонько толкнул его. Шницель сдавленно выкрикнул «ай!», но оставшуюся часть пути пролетел молча. Раскрутившись на всю длину, резина натянулась, потом сжалась и снова натянулась, играя с привязанным человеком, как ребенок играет с котенком бумажной мышкой.

– Безжалостный ты человек, Алкалоид! – сказал Клим, который все это время стоял рядом, молча наблюдая за Герой и его клиентом. – Кстати, утром звонила Вика и жаловалась на тебя. Что ты с ней сделал?

– Ничего особенного, – уклончиво ответил Гера и посмотрел вниз.

– Она обещала выцарапать тебе глаза.

– Не дотянется... – Гера включил лебедку. Резиновый жгут стал медленно наматываться на барабан. – Встреть меня в шесть тридцать у памятника Лермонтову.

– Почему именно у памятника Лермонтову? – насторожился Клим.

– Потому что именно там я опускаюсь с небес на землю.

Клим нахмурился и взглянул на Геру, как удав на дождевого червя.

– Я думал, вчера у тебя был пьяный бред.

– Ты правильно думал.

– Тогда иди к Вике! К Вике иди! И пыхти на ней, пока не протрезвеешь.

– Не поможет.

– Ты понимаешь, на что тебя толкает эта Лисица? – все сильнее возмущался Клим. – Кинуть бутылку на голову какого-то крутого мужика! Да ты только плюнь на него – и до земли живым не долетишь!

Гера остановил лебедку, снял с барабана смотанный кольцами жгут и кинул его под ноги Климу.

– Хочешь прыгнуть? – предложил Гера. – Бесплатно!

Клим, продолжая демонстрировать недовольство, на всякий случай схватился за поручень и устоял в дымчатую даль. Темноволосый, бронзоволицый, с куцей засаленной косичкой на затылке, с массивным носом и выпирающей вперед челюстью, он напоминал индейца, чье племя безостановочно вымирало из-за чрезмерного увлечения огненной водой.

– Нам нужна видеокамера! – сказал Гера, пристраиваясь рядом с Климом. – Ты же понимаешь, что мы никогда не сможем накопить на нее. Мы не умеем хранить деньги. Нам не хватает воли! Она растворяется в портвейне, как сахар в чае.

– А на кой мне эта камера, если твои кишки намотают на кипарисы? – проворчал Клим. – Но ты не из-за камеры стараешься. Просто тебе эта Лисица понравилась. Втюрился ты в нее, вот в чем суть. Все, потерял я друга...

В это время на площадку поднялась женщина серьезного возраста в брюках и джемпере. Она была коротко пострижена, словно тифозница, круглые глазки были близко посажены, отчего ее лицо казалось не слишком умным.

– Уф, – произнесла женщина. – Думала, не взберусь...

Клим скептически оглядел клиентку с ног до головы и подумал, что в таком возрасте уже не имеет принципиального значения как прыгать – с резинкой на ногах или без нее.

– Вы что, прыгнуть хотите? – на всякий случай уточнил Гера.

– Да, – с вдохновением ответила женщина, желая показать молодым людям, как долго и трудно она шла к этому решению. – Вот билет. Я готова. Прочь страхи и сомнения! Понимаю, что мой поступок может показаться...

– А почему без резиновой шапочки? – перебил ее Гера.

– Без какой шапочки? – заморгала женщина, удивленная тем, что здесь, под облаками, инструктор спрашивает ее о какой-то прозаической шапочке.

– Наверное, кто-то сорвал объявление о резиновых шапочках, – произнес Гера, глядя на Клима. – Опять придется асфальт отмывать.

– Мне все равно газоны из шланга поливать. Заодно и мозги смою, – проявил необыкновенную сознательность Клим и, хлопнув Геру по плечу, пошел по лестнице вниз.

Глава 12

В томительном ожидании

Небо заволокло тучами, в воздухе запахло мокрой пылью, но дождя не было. Где-то в горах тихо громыхало. Этот звук напоминал глухие удары волн о пирс. Впрочем, на море волны не было. Казалось, море затвердело, и его до самого горизонта покрыли серым матовым стеклом – настолько ровным и огромным, что на него впору было сажать самолеты.

Гера лелеял в душе маленькую надежду, что Пилот не приедет к морвокзалу, что его просьба окажется всего лишь розыгрышем или, на крайний случай, Пилот опоздает, а Гера был намерен ждать ровно пять минут и ни секунды больше.

Но Пилот подъехал к месту встречи ровно в половине шестого, и Гера, увидев черный лимузин, почувствовал приблизительно то же, что чувствует приговоренный к смерти, когда видит эшафот. Пришлось очистить душу от маленького трупика надежды и покориться своему упрямству.

– А где Лисица? – спросил Гера, забираясь в просторный салон.

– Она занята, – не вдаваясь в подробности, ответил Пилот и тронулся с места.

Пилот выглядел очень торжественно. Он был в черных очках, в черном смокинге, и когда на повороте резко выворачивал руль, из-под обшлагов выглядывали белоснежные рукава рубашки, украшенные тяжелыми золотыми запонками. Похоже, Пилот только что вышел из парикмахерской. От него разило крепким дорогим одеколоном, и волосок лежал к волоску. Идеально выбритые щеки лоснились от лосьона. В общем, он производил фундаментальное впечатление на любой случай жизни. В таком прикиде с равным успехом можно было идти на похороны, на прием к президенту или под венец.

Гера, пытаясь скрыть охватившее его волнение, крутил головой, осматривая салон. Потянулся к портативному телевизору, включил его, но по экрану поползли серые полосы. Приоткрыл откидную дверку бара, но тот оказался пуст.

– Это у тебя парашют? – спросил Пилот, глядя через зеркало на небольшой ранец с лямками и застежками, который лежал рядом с Герой. – А запасной где?

– А зачем мне запасной? – ответил Гера, заинтересовавшись системой вентиляции салона. – Я же прыгаю с предельно малых высот. Если основной не раскроется, то на запасной уже не останется времени... А тут кондиционер есть?

Пилот взглянул на Геру с настороженным любопытством.

– На сиденье впереди тебя лежит бутылка шампанского, – сказал он. – Возьми ее и спрячь за пазухой.

Гера с опаской потянулся к бутылке. Она была самая обыкновенная, с пластиковой пробкой и акцизной маркой поверх нее.

– Клим все утро отговаривал меня от этой затеи, – признался он, взбалтывая бутылку и глядя на пузыри. – Говорит, на кой хрен тебе брать грех на душу? А я и сам думаю: кошки ведь скребут, покоя не дают... Предположим, прибью я этой штуковиной человека. Разве видекамера успокоит мою совесть?

– Я даю тебе гарантию, что никто из обитателей дома не пострадает, – пообещал Пилот.

– Ваша гарантия, безусловно, снимает все сомнения, – веско сказал Гера.

Он уже понимал, что начал отступление по всем фронтам; и это было даже не отступление, а паническое бегство.

Пилот, чувствуя, что над миссией неожиданно нависла угроза, снял очки и придвинул лицо ближе к зеркалу.

– Ты взгляни в эти глаза! – сказал он.

– У вас безупречно честные глаза! – согласился Гера. – Я как вас увидел, сразу подумал: какие удивительно честные глаза! Сразу видно, что их обладатель – достойный гражданин.

Гера отдавал себе отчет в том, что нарывается на неприятность, но остановиться не мог.

– Я все понимаю, – продолжал он, не давая Пилоту рта раскрыть. – Что вы любите разыгрывать соседей, что это всего лишь бутылка шампанского с растворенным в ней тротилом. Но мне, трусу, влезла в голову навязчивая мысль: а вдруг ваш друг не успеет по достоинству оценить ваш юмор и его разнесет на кусочки. На такие маленькие, мокрые, гаденькие кусочки, которые эксперты в резиновых перчатках будут собирать по всему двору и складывать в полиэтиленовые пакеты...

Пилот понял, что Гера возвел мощную оборонительную систему, которую стандартными методами пробить не удастся. Он остановил машину, набрал на мобильнике номер и равнодушным голосом сказал:

– Все отменяется. Наш юный друг отказался.

Что ему ответили, Гера не услышал, но Пилот резко убрал от уха мобильник, словно это была лейка душевой, и из нее хлестал кипяток.

– Коротко, но ясно, – пробормотал он и протянул трубку Гере. – Тебя!

Гера приложил телефон к уху так, словно это был заряженный револьвер особо убойной силы.

Но голос Лисицы вовсе не был страшным. Напротив, он перекатывался, словно морские волны в ветреный день.

– Ты отказался? И правильно сделал! Здесь рядышком стоит твой друг. Так вот, мы заключили с ним пари. Он говорит, что ты прыгнешь, а я говорю, что нет. Спасибо тебе за моральное удовлетворение!

– Разве Клим с тобой рядом? – не поверил Гера.

– Ага! Он прячет глаза от стыда и говорит, что на Алкалоида это не похоже.

– Зря радуешься! – процедил Гера и вернул мобильник Пилоту. – Поехали на вышку!

Лимузин вновь покатился по узким извивающимся улочкам, словно такса по лабиринту. Гера был обижен на Клима, который не только крутанулся флюгером, но вдобавок успел где-то снюхаться с Лисицей и заключить с ней пари. «Назло тебе прыгну! – думал Гера, грызя ногти. – И назло Лисице, чтоб не радовалась раньше времени. И назло ее папаше. И себе назло! Всем назло!»

– Запомни, – говорил Пилот. – Бутылка должны упасть как можно ближе к белому пластиковому столику, который будет стоять рядом с бассейном...

– Как можно ближе?

– Да. Но она не должна попасть в стол.

– Бутылка разорвется от удара?

– Полагаю, что да.

Машина подъехала к бетонному забору, окружающему телевышку.

– Без пятнадцати шесть! – сдавленным голосом произнес Пилот. Он тоже волновался. – Как ты туда пролезешь?

– Это уже мои проблемы, – ответил Гера, выходя из машины.

Он тотчас принялся надевать подвесную систему. В кармане у Пилота зазвонил мобильник.

– Что?! – воскликнул Пилот тем голосом, каким реагируют на сообщение о полном банкротстве. – Какое еще ДТП?.. Ах, черт! Пусть будет «Ритм»... Хорошо!.. Хорошо!..

Он сунул телефон в карман и поднял на Геру круглые глаза.

– Что? – спросил Гера. – Ваш друг помер сам, не дождавшись, когда бутылка упадет ему на лысину?

– Клим не может встретить тебя у памятника Лермонтову. Там стукнулись две машины. Целая рота милиционеров! Он будет тебя ждать чуть левее, в сквере, у магазина «Ритм». Ты знаешь, где это?

«Ну, Клим! Ну, таракан с косичкой! – думал Гера, застегивая на поясе дюралевую пряжку. – Как утром пел! „У тебя пьяный бред!“ А сейчас он уже распоряжается мною через папашу! И Лисица где-то рядом с ним...»

– Я готов, – сказал Гера, поправляя в штанах бутылку.

– Без десяти! – выкрикнул Пилот, глянув на часы. – Пора... Ни пуха!

Гера махнул рукой и побежал к пролому в стене, заросшему бурьяном. Пробравшись на территорию телевышки, он прошел между растяжками и генераторной будкой, оттуда свернул к вышке, рядом с которой дремал сторожевой пес с красивыми и печальными, как у Маккартни, глазами, и влез на фундамент, похожий на пьедестал.

На этом этапе его обычно замечал дежурный техник в синей спецовке. Не изменяя наработанной привычке, техник сначала молча смотрел на Геру, который в жизнерадостном темпе, словно матрос по вантам, поднимался по лестнице. Затем изрыгал шквал ругательств и делал вид, что пытается догнать нарушителя режима. Догонял он его на редкость неуклюже, часто спотыкался, падал, цеплялся одеждой за конструкции вышки, в результате чего расстояние между Герой и преследователем быстро увеличивалось.

Не встречая никаких препятствий и не принимая близко к сердцу летящий снизу мат, Гера поднялся до маленькой круглой площадки, с которой сигнализировал вниз, отдавая себя во власть силам гравитации.

Обойдя площадку по окружности, Гера по традиции плюнул на голову технику, перелез через ограждение и окинул взглядом утопающий в дымке город.

«Ну, Климешка! Значит, пари заключил?» – мысленно сказал Гера с неопределенной обидой, хотя его сознание, словно пчела в меду, увязло в образе Лисицы и не торопилось оттуда выкарабкаться. Не расставаясь с этим образом, Гера расставил руки в стороны, словно это были крылья, и прыгнул вперед.

Земля сразу заметила его и потянула к себе, словно комара в пылесос. В ушах засвистело, и этот свист неуловимо превратился в органный рев. Слезы выступили на глазах у Геры, тотчас размазались по щекам, а еще мгновение спустя высохли. Досчитав до трех, Гера отбросил в сторону вытяжной парашют.

Раздался привычный хлопок. Стропы натянулись, лямки впились в тело, и Гера закачался под оранжевым куполом.

Под ним поплыли парковые островки, пушистые деревья, зеленые пятна прудов. Гера развернул парашют влево, чтобы оказаться на одной прямой с канатной дорогой. Минуту он парил параллельно береговой полосе, а затем снова направил крыло к морю.

Теперь он летел прямо на верхнюю станцию фуникулера, стараясь снижаться под тем же углом, что и склон горы, чтобы не слишком терять высоту.

«Подумай, – сказал он себе, – тебе это очень надо?»

Он вроде послушался внутреннего голоса и попытался поразмышлять на заданную тему, но все же рука, как бы сама собой, полезла под майку и нащупала горлышко бутылки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.